

Ф.Э. ШПЕРК

В. В. Розанов (Опыт характеристики)

Но нам уж то чело священо,
На коем вспыхнул сей язык¹.

Пушкин

I

Литературное прошлое В. В. Розанова обрисовывает два умственных направления, которым, несомненно, следовал этот мыслитель: *теоретическое и философско-историческое*. Первому заплачена дань трудом «О понимании», некоторыми небольшими, весьма тщательно обработанными статейками, непосредственно следовавшими за «Пониманием», и недавней пространной статьей «О цели человеческой жизни»².

Второе нашло себе выражение в брошюре «Место христианства в истории», в статьях о Н. Н. Страхове и Леонтьеве, а также в менее удачной по форме «Легенде о Великом Инквизиторе Достоевского». Последнее я считаю тем, которое отвечает складу розановского ума, которое по отношению к предыдущему более важно, истинно. Ему следуя, В. В. Розанов и высказывает то, что может высказывать только он, и что, конечно, составит для будущего историка философии самую суть розановского творчества.

Замечательно, что в этих идеях, падающих своим содержанием в область *философии истории*, — как истолкователи *настроенний*, пережитых человечеством, и осознанных им этических идей. В. В. Розанов и представитель специфическо-русской мысли.

Все умы наши тяготели и тяготеют к этой сфере умственного творчества, *вся русская философия есть философия или психо-*

логия истории. Чаадаев, Герцен, Данилевский, Достоевский (в «Инквизиторе»), К. Н. Леонтьев — ведь это ряд *психологов истории*, подобных которым не выставляет нам Запад. И очерк истории русской философии должен включить в себя не слепых и бездарных подражателей европейских систематиков, а именно этих значительных выразителей философской мысли, которые глубоко отличаясь от своих западных собратьев, представляют особую ветвь на древе умственного созидания. Корни истинной русской философии, более глубокие, нежели многие полагают, не в знаменитом ли и столь оригинальным по высказанному в нем историческому мирозерцанию, «Философском письме» Чаадаева? И русская мысль, и русское художественное творчество возникли одновременно.

II

Все, что мы считаем в себе значащим, все, что входит в определение нашей личности, что, словом, составляет сущность нашу, — все это представляется В. В. Розанову *мало существенным*. Последнее — отличительная характерная черта его исторического мировоззрения. Не человек — объект его внимания, предмет его основной мысли, а высшее нечто, лишь изъясляющееся в судьбе людей, в истории, *которую, собственно, они и интересны и значительны только*. Не человек — носитель мысли и блага, а человек — выразитель и истолкователь воли Бога в истории — существо, важен и дорог для него. Внимание Розанова всецело поглощают пути, коими Провидение ведет человека. Эти пути-то и драгоценны ему. Отсюда религиозный характер розановских писаний, отсюда моральная сила их...

Свою характеристику мы заключим следующими словами писателя, преисполненными такой удивительной резигнации, такого исключительного самосознания!

«Редко человек понимает конечный смысл того, что он делает, и большею частью он понимает его слишком поздно для того, чтобы изменить делаемое. Вмешательство индивидуальной воли в пути истории всегда бывает напрасно. *Этой доли напрасности я не мог не замечать и во всем, что мне случилось высказать*. Не человек делает свою историю, он только терпит ее, в ней радуется, утешается, или, напротив, скорбит, страдает».